

ИЗ ГЛАВЫ

ПОЛИГОН

А потом начался вдруг новый отсчет времени. И не только потому, что приехала Уля. Новый отсчет времени начался с события, которому Аугуст стал не просто живым свидетелем, но может быть даже – самым первым свидетелем из посторонних, неприглашенных, непосвященных. Хотя с Ульяновой наступление этой эпохи все же было связано хронологически, а именно тем, что Иван Иванович Рукавишников попросил Аугуста встретить Ульяну с поезда утром двадцать девятого августа. «Такая беда, – понимаешь, – сказал он Аугусту, – мне двадцать девятого в Омске быть надо. Собирают руководителей хозяйств на закрытое совещание. Что-то очень важное. Сказали, что «неявка разрешается только в мертвом виде». Так что выручай, Аугуст Карлович. Ульяна, она того-этого... немножко расстроена она приедет, семейные проблемы у нее. Хочу, чтобы приятный ей человек встретил ее. Вы же с ней как будто друзья. Она к тебе уж очень хорошо относится: «Ах, этот Аугуст, такая тонкая душа...». Ну вот ты и встреть ее, пожалуйста, тонкая душа. А мне сегодня днем еще в Омск выезжать. Ну, встретишь?».

– Встречу, – согласился Аугуст внезапно занемевшим языком, – Послезавтра встречу, да.

– Прими заранее личную мою благодарность.

– Не за что. Встречу.

– Спасибо.

– Не за что. Сам буду рад ее встретить, – Аугуст повернулся и пошагал прочь, не желая выдать себя сложной игрой плохо управляемых лицевых мышц. Кажется, он улыбался, а, может быть, и кривился, как от зубной боли. Этот день и весь следующий Аугуст прожил в состоянии постоянного нервного напряжения. «Аугуст, тонкая душа», – пело в нем, но ведь это ничего не значит. Это все равно, что сказать: «Серпушонок, лапушка...». Сказать можно все, а крошка-Спартак на руках Ульяны – это уже вещественное доказательство совсем другого уровня отношений, и на тот счастливый уровень Аугуста не позвали и уже не позовут.

Весь вечер Аугуст чистил свой «дембельский» костюм и гладил его угольным утюгом. Про поручение председателя он матери объяснил, чтобы она не решила, что он рехнулся еще дальше. Мать поджала губы: «Ну и ехал бы в своем русском fufajka, – сказала она, – зачем таким павлином одеваться, как будто собственную невесту встречаешь. Она – чужая жена, не забывай этого, пожалуйста».

– Мне-то что – чья она жена, – огрызнулся Аугуст, – председатель приказал встретить с уважением. Все-таки – директором школы будет...

– Вот бы школьные начальники ее и встречали, – не могла никак успокоиться мать, – ты-то причем тут?

– Говорю же тебе... меня Рукавишников попросил, – вскипел Аугуст. Они с матерью почти поссорились в тот вечер.

На колхозном грузовичке, который он старательно отскоблил накануне в луже у ручья, Аугуст выехал в полседьмого утра в сторону Семипалатинска. Как раз рассвело, и небо было странное: молочно-белое, с комками неподвижных светло-серых облаков. Небо напоминало Аугусту сладкое лакомство, которое мать в давние времена иногда готовила детям по большим праздникам. Оно называлось «снежок». В сладком молочном сиропе плавали сладкие, зефиробразные комочки. Дети ревниво считали их друг у друга в тарелках, но их всегда было поровну. От этих воспоминаний у Аугуста перехватило сердце... хотя, может быть, и не от них вовсе...

Дорога была накатанная, мотор гудел ровно. Ничто не спасало от панических мыслей о предстоящей встрече. Что ей сказать? Поздравить? Конечно, поздравить надо. Спросить, почему она одна и когда ее муж приедет? А что? Вполне можно спросить – ничего особенного в этом вопросе нет. А вдруг она не захочет отвечать, типа: «не твое, Аугуст, это собачье дело...». Ну, не захочет, так не захочет... тогда можно извиниться... А можно и не извиняться, подумаешь...

В этот миг что-то произошло с небом, или с машиной, или с ним самим, потому что грузовик стремительно заскользил влево, всем боком, вместе с дорогой... у Аугуста поплыло в голове... нет, это была не дорога с машиной. Это небо сорвалось вдруг с места и стремительно помчалось вправо – всей массой своей, с туманом, облаками и заполошными воронами, беспорядочно молотящими крыльями, как черными тряпками. Еще через несколько мгновений ослепительной синевой загорелось небо, и в нем, прямо по курсу висело круглое, бледное солнце, но яркий свет падал почему-то не от него, а откуда-то слева, последовал вдруг тугой удар в бок грузовика. Мвшина на секунду приподнялась всей левой стороной над землей и грохнулась на четыре колеса, потеряв управление и вильнув с дороги. Аугуст резко ударил по тормозам и посмотрел влево. На него несло черное, клубящееся марево, перемешанное из земли и неба, а над ним в бесконечно высокое небо поднималось чудовище. Гриб на

тонкой, черной ногой, в белой конической юбочке, с белой, круглой, все растущей, протыкающей космос, светящейся головой. Это он, этот шар затмевал солнце, и хотя внутреннее свечение его быстро спадало, ослепительная наружная белизна только набирала силу... Видение закончилось быстро. Стена пыльного вихря упала на машину, сотрясая ее и обрезав видимость до «дворников» на ветровом стекле. Пять, десять минут Аугуст сидел неподвижно словно загнипнотизированной, не в силах осмыслить только что увиденное. Наконец буря, засыпавшая машину пылью и травяной трухой, унеслась дальше. Постепенно прояснялось, и вот уже снова проявилось небо, и гриб все еще висел в нем, но уже совсем другой на вид. Черная ножка почти отмерла, юбочка исчезла, осталось одно раздутое облако, напоминающее уже не шар, но рыхлую, зловещую медузу со свисающими по бокам синеватыми соплями...

И тут Аугуста осенило... так это же атомная бомба была! Та самая, о которой все время говорили, которую ждали! Свершилось! Он видел взрыв атомной бомбы! Такой же, которой американцы разбомбили – одной бомбой! – сразу целый город и убили, сожгли сто тысяч людей одним ударом! Такие же американские бомбы были теперь нацелены и на Советский Союз. И вот – хрен вам теперь! Вот она – своя! Наша! Он только что видел ее! Вон она – все еще висит над землей. Сама Смерть висит собственной персоной!... Он видел! Он видел это!!! Ликование смело остатки страха, Аугуст открыл кабину и выскочил наружу. Пахло гарью, пылью, пылью, чем-то еще... Запрокинув голову, Аугуст смотрел на расплывающуюся в жирный блин, тускнеющую атомную медузу. До нее было далеко, много-много километров, а она чуть не перевернула ему машину... Какая чудовищная мощь!

Густой, короткий шорох сверху и тупой удар за спиной заставили Аугуста пригнуться и прикрыть голову руками. Но ничего больше не случилось. Аугуст обернулся. Затем заглянул в полузасыпанный земным мусором кузов грузовика. Там лежал мертвый степной орел, раскинув обгоревшие крылья и вывернув голову назад. Глаза его были белые, выгоревшие, убитые яростным светом невообразимой силы. Наверное, он еще сколько-то времени, ослепнув, кружился на горящих крыльях, не понимая, что с ним стряслось и отчего он падает.

Когда Аугуст снова сел за руль, у него колотились ноги и дрожали руки. Путаясь в движениях, он запустил заглухший мотор и поехал дальше, угадывая заметенную землей и мусором дорогу, постепенно приходя в себя и вспоминая, куда он едет и зачем. Орел остался лежать в кузове. Пусть лежит: Аугуст покажет его всем... Атомная бомба!!! Он ее видел!!!

Аугуст в этот миг еще не осознавал, что только что, в его присутствии началась новая эпоха в истории земного шара в целом и в его личной судьбе. Постоянно оглядываясь на атомный гриб, он ехал все быстрее и быстрее. Он торопился на вокзал, к поезду. В растревоженном разуме и взбудораженном воображении приезд Ульяны представлялся Аугусту событием не меньшего масштаба, чем только что пережитый атомный удар.

В Семипалатинске обстановка была спокойная: никто не бегал, не кричал и не смотрел в небо. Здесь, кстати, тоже смело все облака, и на северо-западе вздымалось над горизонтом величавое кучевое облако необычной, сферической формы – то самое! – на которое, однако, никто не обращал внимания. Аугусту это было странно: не мог же никто ничего не слышать? Однако, вопросов он людям не задавал. Лагеря приучили его руками зря не размахивать и лишними вопросами внимания к себе не привлекать.

До прихода поезда оставалось еще полчаса, и Аугуст пошел в зал изучить расписание поездов – просто так, из любопытства. Посмотреть, например, какие поезда идут в сторону Саратова, и когда и сколько до туда часов или дней пути... Возможно, что он делал это только для того, чтобы меньше думать об Ульяне с ее ребенком, которые уже где-то на подъезде, которые вот-вот придут.

Наконец станционное радио прогукало что-то размазанным эхом, содержащим слова «Алмата» и «стоянка сорок минут». Аугуст купил перронный билет и вышел на платформу. Показался паровоз с белыми усами пара и черным дымом из трубы. Вот он уже рядом, шевелит красными колесами, двигает локтями шатунов – большой, черный, жирный и горячий, как черт, вылезший из ада. Потянулись вагоны. После второго шел почему-то сразу восьмой, и он пошел за ним до полной остановки, потому что как раз восьмой ему и был нужен. Пассажиры стали спускаться, кто прыгая вниз, кто сползая задом наперед, вытаскивая за собой чемоданы. Иные спускались перед собой пухлые баулы, с трудом сохраняя равновесие. Аугуст помогал сходящим, глядя в тамбур: где она? Но все сошли, а Ульяны не было.

- А где женщина с маленьким ребенком? – спросил Аугуст у проводницы.
- В Аягузе сошла.
- Что за ерунда? Меня встретить прислали.
- Не туда приехал, родной. Это Семипалатинск.
- Я сам знаю, что это Семипалатинск... она сюда и должна прибыть.
- Ничего не знаю. Говорю же... сошла в Аягузе.
- Ничего не понимаю. Вот написано... двадцать девятое, восьмой вагон...
- А, восьмой? Да а это третий.

– Как третий, когда стоит «восемь».

– Ты считать до десяти умеешь? Смотри... там – второй, а вот он – четвертый. А что посредине бывает? Третий!

– А почему «восемь» написано?

– На заборе тоже написано... Не видишь – восьмерка пополам перечеркнута. Сперли табличку на память – такие же, как ты сам, небось. Вот и повесили с восьмого – у них две было...

– Дура долбаная, – выругался Аугуст и побежал вдоль поезда.

– А то ведь я и кочергой догнать могу, – неслось ему вслед, – мудака бестолковый!

Женщина в окружении четырех чемоданов с большим свертком в руках стояла на платформе в конце состава и растерянно озиралась. Сверток у нее был похож на упакованное дитя. Аугуст всмотрелся в женщину и обомлел: Господи, да это же она – Ульяна! Только по глазам и узнал...

– Ульяна Ивановна? – спросил он тем не менее на всякий случай, и сердце его укатилось в сапог, когда он услышал ее голос:

– Да, я... Ах, да это же Вы, Аугуст! Вы такой черный, загорелый... Вы каждый раз в новом обличье возникаете. Хорошо, что Вы меня встречаете, а то я уже испугалась, что случилось что-нибудь... Мы когда ехали – такая молния в вашей стороне сверкнула – десять секунд все небо горело. «Вот это грозища там», – подумала я. А подъезжаем – солнце светит. Чудеса!

– Нет, то не гроза была, – сказал Аугуст...

– Ну, пойдемте, пойдемте... потом расскажете, что это было, – заторопилась Ульяна.

Подкатил носильщик в фартуке и с бляхой, погрузил чемоданы на тележку, попер, вихляя тощим хребтом и громко хлопая калошами без задников. Аугуст с Ульяной едва попевали за ним. Аугуст раздумывал, не предложить ли Ульяне забрать у нее ребенка, чтобы ей легче было, но не решился. Уронит еще... да и вообще. Сама родила – сама пусть и таскает теперь. Его встретить и привезти ее послали, а не детей ее на руках таскать...

Грузовичок Аугуста стоял в некотором отдалении, и носильщик сказал строго: «Это не по тарифу. Я только до входа работаю. Давай второй тариф, еще двадцать копеек давай». Аугуст растерялся, денег у него было с собой совсем мало – пятьдесят копеек всего, то есть это поначалу столько было. Перронный талон съел половину, да двадцать за этот самый «тариф» надо отдать. Оставался пятак всего. Аугуст огорчился и обиделся:

– Что еще за тарифы дурацкие! Ладно, снимай тогда чемоданы, дядя, я бы и сам их донес поочередно. Тебя пожалел, заработать дал, а ты еще и буржуйничаешь...

Ульяна запротестовала: «Я сейчас достану. Подержите ребенка, пожалуйста».

– Нет, – закричал Аугуст, – не подержу! Обойдется! Тариф ему! Хрен ему, а не второй тариф!

Ульяна смотрела на Аугуста с изумлением. Это был действительно совсем другой Аугуст. Между тем оскорбленный в своих лучших профессиональных чувствах носильщик с достоинством снял чемоданы на землю и, поджав губы, протянул руку за «тарифом», на всякий случай процедив: «Я тут не один. Могу ребят кликнуть, разберемся». Но Аугуст, конечно же, отдал ему его двадцать копеек, порадовавшись тому, что монета оказалась черной и гнущейся.

– Не фальшивая? – спросил носильщик сварливо.

– Нет, это она в танке со мной горела, – огрызнулся Аугуст и снова уловил на себе удивленный взгляд Ульяны. Ему это понравилось, но только странной, мстительной радостью. Да, любуйся, голубушка! Такие мы вот и есть – всеми помоями умытые герои...

Аугуст усадил мать и дитя в кабину и стал загружать чемоданы в кузов. Обвязал их веревкой, притянул к борту, чтоб не гуляли. Ульяна обернулась, сквозь заднее окошко кабины смотрела на него. Он чувствовал себя нервно, взвинченно. Когда сел за руль, Ульяна спросила:

– Почему столько мусора в кузове и птица дохлая? Зачем?

– Это степной орел. Его атомной бомбой убило, – коротко сообщил Аугуст и тронулся с места.

Ульяна нахмурилась:

– Что за шутки? Почему Вы меня дурачите? Вы издеваетесь надо мной, что ли? Почему?

Аугусту захотелось напомнить ей, что они уже дважды переходили на «ты», но тут же и раздумал. Зачем? И он ответил очень вежливо:

– Нет, Ульяна Ивановна, я не издеваюсь над Вами. На пути сюда я действительно попал под атомный взрыв и мне чуть не перевернуло машину. Потом сорвало туман, поднялась буря, накидало мусору в кузов, и слепой орел упал – уже мертвый. Убрать я не успел – извините... А орла хочу в поселке показать. Я ведь первую нашу советскую атомную бомбу видел сегодня. Никто не поверит, вот орла и покажу. Он над облаками летал, у него от взрыва глаза выжгло и крылья обгорели. Таких птиц много, наверное, сейчас в степи валяется. Жуткая сила. Я гриб видел, выше неба. Это, наверно, и была та самая молния, что Вы видели из поезда...

Ульяна смотрела на него во все глаза. Она поверила, и ей стало страшно. И еще потому она так смотрела странно, что все никак не узнавала того доброго и приветливого Аугуста, на которого отец не мог нарадоваться и с которым она так приятно общалась, приходя на стройку. Теперь это лицо

было жестким, чужим, почти враждебным. Он обращался к ней вежливо до ядовитости, по имени-отчеству и даже не смотрел или старался не смотреть в ее сторону. Почему? Из-за «прижитого» его ребенка? Из-за того, что она без мужа? Неужели он такой же, как все эти шипящие бабы вокруг?... злые ханжи без совести и... сочувствия... Или это он из-за атомной бомбы?..

Ульяна стала смотреть на дорогу перед собой. Атомная бомба... Да, это страшно. Только у нее своя атомная бомба... ее собственную душу разворотила. Хуже уже все равно не будет. Хотя нечего ныть... у нее есть отец, есть братишки, есть вот этот маленький – часть ее тела. Сердце его, ручки его, улыбка его – всего его она сделала сама. Для него сделала, но и для себя самой – с великой любовью, на всю жизнь. И плевать ей на всех злых людей. Они все равно будут счастливы: она и ее маленький. «И никто-никто нам не нужен больше...», – Ульяна отвернулась от шофера Аугуста и глотала слезы, которые слишком часто в последнее время мешали ей видеть мир в реальных пропорциях.

Когда поравнялись с местом, где Аугуста застал взрыв, он остановил машину, выключил мотор, сказал: «Вот здесь это было... вон там, в той стороне».

Был ясный, солнечный, погожий день. Облака и туманы, разогнанные атомным взрывом за горизонт, все еще не решались вернуться на место. Но изменилось и еще что-то другое. Над степью висела мертвая тишина: ни птиц, ни цикад не было слышно. Их всех либо тоже сдуло за горизонт, либо они до сих пор обдумывали невиданное и неслыханное происшествие и не осмеливались петь, чтобы не навлечь кошмарного повтора на свои потрясенные головы. Очень высоко в небе висели странные ошметки перистых облаков... красивые ошметки, веерные.

– Вон от нее остатки, – указал на них пальцем Аугуст. Ульяна уже успокоилась немного, укачалась. Она посмотрела в небо и устало произнесла:

– Красиво. И совсем не грозно выглядит...

– Да, сейчас красиво стало, а было... было тоже красиво, только по-другому. Страшно было, грозно очень – вот правильное слово. А страшно потому, что непривычно... и еще – огромно очень, как несчастье, от которого не свернуть. Аугуст говорил непонятные вещи непонятным тоном. Он как будто жаловался, как будто что-то совсем другое хотел сказать. Словно оттаял вдруг, стал растерянным, несчастным, просящим о чем-то. Ульяна посмотрела на него с сочувствием. Она вспомнила его судьбу и подумала, что понимает его печаль, его тоску по дому, его бесконечное унижение. Девушка не знала, как его утешить, и поэтому спросила про бомбу, просто так, чтобы поддержать разговор, не молчать:

– А ведь это опасно, наверно? Радиация от них исходит, я слышала, от бомб этих. И от облаков этих красивых.

– Не знаю. Наверно. Для того и делают ведь – чтобы боялись. Чтобы чужие боялись. Зато теперь она у нас тоже есть. Теперь нас никто не тронет больше, в нашей стране. Никакие новые американские гитлеры нам не страшны, никаких переселений народов не будет больше... – Аугуст осекся.

Ребенок в свертке начал кряхтеть.

– Не плачь, Спарташенька, – сказала ему Ульяна, – дядя говорит, что теперь у тебя есть атомная бомба, и никто тебя больше не тронет, – она улыбалась ребенку, а потом повернула голову к Аугусту и улыбнулась ему тоже. Он чуть не задохнулся от этой улыбки, от этих глаз... Крошка-Спартак затих на минуту, обдумывая это сообщение, и заорал – оглушительно и бескомпромиссно.

– Мокрый, – констатировала Ульяна, – Август, снимите мне, пожалуйста, чемодан – самый большой.

Пока Ульяна пеленала в кабине ребенка, Аугуст отошел от машины, сел на камень и смотрел вдаль. Что-то должно измениться в его жизни после этого утра, думал он – хотя бы потому уже, что что-то должно измениться в жизни всей страны. Но только было ему при этом очень тревожно почему-то. Ульяна посигналила, Аугуст вернулся к машине, снова закрепил чемодан в кузове, сел за руль, скосил взгляд на Ульяну, кормящую грудью Спартака – чмокающего и постанывающего от удовольствия. Ему стало жарко. Его прошиб пот, и он захотел остановить машину и уйти за горизонт навсегда или сказать ей... сказать ей, как он ее бесконечно любит. Машина катилась легко и бодро, чуя скорый отдых, и Аугуст снова – осторожно и стеснительно – скосил глаза на Ульяну. Ребенок уже лежал на ее коленях и спал, а сама она смотрела прямо перед собой и была погружена в собственные мысли, в которых его, Аугуста, конечно же, не было.

Впереди, в небе висели тучи, темные облака возвращались, уже забыв об утренней бомбе...

Молчали долго. Молчание нарушила Ульяна:

– Как школа?

– Школа готова, неделю назад парты привезли и большую бутылку с чернилами.

– И это все? – усмехнулась Ульяна.

– Нет, там много еще чего привозили. Но не мы с Айдаром... они сами присылали машину из города... из района, что ли – или как там ваше учительское министерство называется...

– Прямо уж – министерство!

– Ну, значит – не министерство, – с досадой в голосе сказал Аугуст, – я в этом не разбираюсь. Мое дело – обода да траки, которые летят каждый третий день – черт их дерит...

– Вы научились говорить по-русски, как настоящий шоферюга, – съязвила Ульяна.

– А я шоферюга теперь и есть... шоферюга и тракторюга! Конечно, я не профессор, – вырвалось у Аугуста, и прозвучало слишком резко. Что-то такое вылетело наружу из его сердца, что не должно было вылетать, и Аугуст пробормотал, как будто оправдываясь: «Каждому свое...». Но Ульяна уже смотрела в боковое стекло, отвернувшись. Вот и отлично... ехать в тишине, без этих дурацких разговоров – это самое лучшее.

Так и доехали, не обменявшись больше ни словом. «Каждому – свое», – сказал он ей. Может быть, он ее обидел этим. А может быть, она его и не услышала вовсе...

Он снял ее чемоданы, помог занести в дом. В поднявшемся переполохе – братья висли на сестре и хватали ребенка, тетка кричала пронзительно – Аугуст отчалил незамеченным, отдал машину Айдару и пошел домой, забрав орла, чтобы показать матери. Айдару он тоже сказал, что орла убило атомным взрывом, но спокойный Айдар кивнул и сказал, что от бомбы, конечно, любая птица может сдохнуть... у них тоже курица погибла вчера – под мотоцикл попала.